

Научная статья

УДК 94(47+57):342.711“1740/1760”

DOI: 10.32516/2303-9922.2023.47.9

Правовое регулирование приема в российское подданство беглых иностранцев из казахского плена в 40—60-е годы XVIII века

Степан Викторович Джунджузов

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия, djund@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8937-5690>

Аннотация. Проблема приема в российское подданство беглых иностранцев из казахского плена в XVIII веке не нашла должного отражения в историографии. Формирование его правовой базы обуславливалось рядом взаимосвязанных факторов политического, экономического и религиозного характера. С начала 1750-х гг. единственным основанием для предоставления подданства становится переход в православное христианство. Сначала новокрещеных иностранцев оставляли в Оренбургской губернии. Затем, когда их число увеличилось, стали отправлять в другие губернии на поселение в дворцовых волостях, а годных к военной службе мужчин определять в солдаты. Следствием разрозненного расселения выходцев из азиатских стран должна была стать их адаптация, а за ней и ассимиляция в русскоязычной среде.

Ключевые слова: дворцовая волость, иностранцы, казахские жузы, Оренбургская губерния, Российская империя, плен, подданство, христианство.

Для цитирования: Джунджузов С. В. Правовое регулирование приема в российское подданство беглых иностранцев из казахского плена в 40—60-е годы XVIII века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 3 (47). С. 143—154. URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/9_47_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.47.9.

Original article

Legal issue of granting Russian citizenship to fugitives from Kazakh captivity in the 40—60s of the XVIII century

Stepan V. Dzhundzhuzov

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, djund@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8937-5690>

Abstract. The problem of accepting fugitive foreigners from Kazakh captivity as subjects of Russia in the XVIII century did not find proper reflection in historiography. The formation of its legal framework was conditioned by a number of interrelated factors of a political, economic and religious nature. Since the beginning of the 1750s, the only reason for granting citizenship has been the conversion to Orthodox Christianity. At first, newly baptized foreigners were let to stay in the Orenburg province. Then, when their number increased, they were sent to other provinces to settle in court volosts (townships), and men fit for military service were to be soldiers. The results of the uncoordinated settlement of immigrants from Asian countries were to be their adaptation, and then assimilation into the Russian-speaking environment.

Keywords: court volost (township), foreigners, Kazakh zhuzhes, Orenburg province, Russian Empire, captivity, citizenship, Christianity.

For citation: Dzhundzhuzov S. V. Legal issue of granting Russian citizenship to fugitives from Kazakh captivity in the 40—60s of the XVIII century. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2023, no. 3 (47), pp. 143—154. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2023.47.9>.

Введение

В XVIII веке Оренбург как административный и торговый центр пограничной Оренбургской губернии и всего юго-восточного порубежья Российской империи играл ключевую роль в выстраивании международных связей со странами и народами Центральной Азии. В Оренбурге давали присягу на верность российским монархам казахские ханы и султаны, здесь же содержались в аманатах ханские сыновья или ближайшие родственники. Оренбургские губернаторы как представители высшей имперской власти наделялись правом вести переговоры с иностранными послами, согласовывать и организовывать их поездки к императорскому двору. Для решения задач, относящихся к ведомству Коллегии иностранных дел, в Оренбургской губернской канцелярии была образована заграничная экспедиция. Значительное место в ее работе занимало решение дел о приеме бежавших из казахских (киргиз-кайсацких) жузов иностранцев, находившихся у казахов на положении невольников.

Проблема Правового регулирования приема в российское подданство беглых иностранцев из казахского плена в XVIII веке, определившая цель представленного исследования, не нашла должного отражения в историографии. В историографической тематике традиционно доминируют исследования, посвященные принятию в российское подданство кочевых народов и их государственных образований — орд [4; 5; 22; 23]. В силу специфики формирования и последующего развития сословной группы казаков-нагайбаков, представлявших собой обособленную этническую общность в составе оренбургского казачества, историки акцентируют внимание на росте нагайбацкого населения в XVIII веке за счет воспринимавших православное христианство представителей азиатских народов [1; 2; 3; 21]. Но, во-первых, далеко не все новокрещенные азиаты направлялись на жительство в Нагайбацкую крепость, во-вторых, исследователи истории нагайбаков, как правило, ограничиваются самим фактом причисления к ним разноплеменных выходцев из казахского плена. В литературе, посвященной формированию и становлению института подданства в Российской империи, вопрос приема беженцев-иностранцев из казахского плена в приграничной Оренбургской губернии в XVIII веке также остается без внимания. Однако в ней содержится указание на принятие православия как способ вступления в русское подданство [9, с. 13].

Документы, характеризующие порядок приема, крещения и дальнейшего распределения искавших убежища в России иностранцев, отложились в фонде Оренбургской губернской канцелярии Объединенного государственного архива Оренбургской области. В канцелярию поступали адресованные оренбургским губернаторам указы из Правительствующего сената и Коллегии иностранных дел, переписка с командующими войсками на пограничных линиях, комендантами крепостей, а также письма и иные документы, содержащие претензии казахских ханов в связи с убытками, понесенными из-за бегства пленников.

Результаты исследования

Оренбургский губернатор И. И. Неплюев был готов принимать и селить во вверенной ему губернии людей разных наций, сословий и вероисповедания. В середине XVIII века обширный Оренбургский край остро нуждался в регулярном населении. Но уже предыдущий опыт с поселением в окрестностях Оренбурга некрещенных калмыков обернулся дипломатическим скандалом. Коллегия иностранных дел в 1749 г. потребовала, чтобы на жительство в оренбургских линейных крепостях допускались только крещенные калмыки. Калмыки, не желавшие креститься, возвращались к своим владельцам в Волжское калмыцкое ханство [6, с. 82—83]. Тот же принцип был положен в основу регулирования отношений с казахскими жузами.

Указ от 26 февраля 1752 г. подразделял всех выходявших в пределы России казахских пленников на три группы. В первую группу включили «россиян, калмык, башкирцев, нагайцев и других наций подданных российских». Как русские подданные, ни они сами, ни лошади, на которых они выходили, не возвращались их бывшим казахским владельцам. Также российское правительство оказывало покровительство представителям христианских народов — армянам и грузинам, отнесенным ко второй группе беженцев. Возврату подлежали только уведенные ими лошади. Наконец, к третьей группе, о которой говорилось в первом пункте Указа, причислялись представители народов, на тот момент не состоявших в российском подданстве: персы, туркмены, хивинцы и «другие, подобные им народы», а также крымские и кубанские татары. Они, как иностранцы, «для лучшего киргис кайсацкокого народа приласкания», подлежали возвращению в казахские кочевья к их бывшим хозяевам. Исключение допускалось лишь для представителей персидской знати, крымских и кубанских мурз. В знак дружбы к персидскому или турецкому двору их должны были отправлять на родину через Астрахань [10, л. 49—50].

Здесь важно заметить, что, несмотря на признание казахами Младшего и Среднего жузов российского подданства, попадавших к ним в плен иностранцев Российская империя своими подданными не признавала. Единственной возможностью для них избежать возвращения в казахскую степь, а значит и в неволю, оставалось принятие христианства. О дальнейшей судьбе таких иностранцев, решившихся на смену исповедания, говорилось кратко: «А самих их по обучении и наставлении приводить ко Свитому Крещению и определять на житье в такие места, откуда б им возвратно бегать было бы неудобно» [10, л. 50].

Все истории иностранцев, попадавших в казахский плен, как, впрочем, и русских подданных, очень похожи. Отличались только места жительства и пленения, даты и сроки пребывания в неволе. Характерным примером могут служить показания, данные в Оренбургской канцелярии 11 июня 1751 г. Мухамед-Амином Хаджи Науметевым. Отроду ему было 23 года. Жил в персидском городе Пняржумане (? , название города идентифицировать не удалось. — С. Д.). Три года назад во время поездки в город Мешхед его с пятью попутчиками захватили туркмены, отвезли и продали в рабство в Младший жуз. Хозяином, купившим Мухамед-Амина, был казах из Ираклинского рода Мурзамет, от которого он убежал на угнанной лошади. Задержан Науметев был на Яицкой линии, в степи, около находившегося поблизости от Оренбургского менового двора Верхнего форпоста. На допросе Мухамед-Амин изъявил желание воспринять христианство. 19 июня крещен и по крещении наречен Леонтием Петровым [11, л. 7, 12].

Естественно, со стороны казахов прием их беглых пленников в России воспринимался крайне болезненно. В деле беглого перса Муртазы Ул-Апаскулиева, объявившего о желании креститься, на этот счет приводится ряд рассуждений и выводов, очевидно высказанных губернатором И. И. Неплюевым. Казахи часто наведывались в Оренбург и другие крепости и предъявляли требования о возвращении своих невольников. Они доказывали, что укрываемые российскими властями беженцы никогда не являлись русскими подданными. Их укрывательство оборачивалось большими потерями, так как покупались хозяевами за немалые деньги. Получая отказ, наиболее решительные казахские джигиты начинали самостоятельный поиск своих беглых невольников. С другой стороны, были случаи, когда сами иноверцы, чаще калмыки, после крещения по собственной воле сбегали обратно в казахские кочевья. Для предотвращения подобных эксцессов губернатор распорядился беглых казахских пленников, объявлявших о желании стать христианами, без задержки в Оренбурге вывозить в ведомство Уфимской провинциальной канцелярии [11, л. 163], где после повторного подтверждения добровольного согласия — крестить.

Новокрещенные иностранцы из бывших казахских пленников до 1755 г. определялись на жительство в Нагайбацкую крепость и причислялись к нагайбацким казакам.

Нагайбацкая крепость была основана в 1736 г. на реке Ик. В Нагайбацкой и Бакалинской крепостях и прилежавших к ним деревнях стали селить «уфимских новокрещен» из башкир, татар, черемис и других народов Урало-Поволжского региона. В соответствии с п. 12 Указа Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г., новокрещены за проявленную ими верность во время башкирского восстания освобождались от платы ясака, а земли, за которые они раньше платили оброк башкирам, отдавались им в собственность. Взамен их обязали нести казачью службу на пограничных линиях [7, с. 2; 8, с. 51]. Прямых указаний, когда к нагайбакам стали подселять крещеных иностранцев, отыскать пока не удалось. Однако в определении по делу Муртазы Ул-Апаскулиева имеется ссылка на утвержденную 7 октября 1749 г. в Оренбургской губернской канцелярии резолюцию, требовавшую таких людей «окрестить и к нагайбацким казакам присовокупить» [11, л. 163 об.].

Определения Губернской канцелярии о причислении новокрещеных иностранцев к нагайбацким казакам, как правило, содержали предписания об условиях их размещения и последующей адаптации. Губернскими властями принималось во внимание, что сами нагайбацкие старожилы «разумеется еще новокрещеные и по татарски все говорить умеют и живут внутри линии в выгодных местах». Новые поселенцы должны были находиться под строгим наблюдением командира Нагайбацкой крепости, атамана нагайбацких казаков и войсковых старшин [11, л. 7]. При распределении по населенным пунктам обязательно учитывалась этническая принадлежность крещеных иностранцев: «Чтоб один с другим сообщения, а также и с прежде определенными, таковыми, иметь не могли» [11, л. 358 об.]. Распределение крещеных азиатов по этническому признаку в разных населенных пунктах осложнялось недостатком последних в нагайбацком ведомстве. Однако разделением новокрещеных, прибывавших в одной партии, нагайбацкая администрация все же занималась. Так, в выписке из докладного реестра по делам заграничной экспедиции за ноябрь 1751 г. говорилось, что присланные в Уфимскую провинциальную канцелярию араб (в терминологии XVIII в. — «белый арап». — С. Д.) Аскер Мамеделин, по крещении — Семен Александров, и туркмен Асан, по крещении — Илья Спиридонов, отправлены в Нагайбак. Там, по распоряжению крепостного командира, первый отдан «на житье» священнику Нагайбацкой крепости Василию Никифорову, а второй отослан в село Бакалы к атаману нагайбацких казаков Еропкину [11, л. 350 об.].

К нагайбакам также причислялись принимавшие христианство беженцы из казахского плена, не сумевшие доказать принадлежность к народам, состоявшим в российском подданстве. Беженец, допрошенный в Оренбургской канцелярии 27 июня 1751 г., рассказал о себе, что зовут его Барат. О своем происхождении ничего не помнит, так как был взят в плен туркменами в полуторагодовалом возрасте. Сначала жил у туркмен. От них ушел к казакам в Младшую орду. Казахи считали его волжским калмыком. В Оренбурге при крещении он получил имя Андрей Александров. Губернские чиновники усомнились в калмыцком происхождении Барата. У них сложилось впечатление, что он принадлежит к какой-то «магометанской нации», тем более что и говорит только по-татарски и пленен был не казаками, а туркменами. Основываясь на приведенных аргументах, Губернская канцелярия определила: «...его такого, за неумением [говорить] по калмыцки с калмыками держать несходно. <...> Велеть для жительства отправить к обретающемуся в Нагайбацкой крепости командиру, с определением, чтоб он его присовокупил к нагайбацким казакам и пристанищу» [11, л. 43 об. — 44].

До последовавшего в 1752 г. запрета губернатор И. И. Неплюев пользовался проблемами в законодательстве и находил способы не возвращать казакам бежавших от них и

не желавших креститься иностранцев-мусульман. Возвращаясь к определению по делу Муртазы Ул-Апаскулиева, приведем еще одну ссылку на резолюцию Оренбургской губернской канцелярии от 7 ноября 1749 г.: «Ежели, он то, о крещении желание переменит, то его отослать к иноверческим старшинам» [11, л. 163 об.]. Вышедшие в 1751 г. к Оренбургскому меновому двору персы Хасан Авралов и Угурмем Ибрагимов в Губернской канцелярии объявили о желании вернуться в свое отечество, к родителям и родственникам. Однако вопреки их желанию они были отправлены в Уфу. Уфимской провинциальной канцелярии предписывалось на ее усмотрение определить их на жительство к иноверческим старшинам. Единственное ограничение заключалось в отдалении назначенного поселения от реки Яик, служившей естественной границей с казахской степью. Уфимская канцелярия распределила Х. Авралова и У. Ибрагимова по разным мещерякским командам [11, л. 207—213]. 30 августа 1751 г. по тому же маршруту к иноверческим старшинам из Оренбурга были отправлены еще четыре иностранца-мусульманина — три перса и один талыш [11, л. 300—301].

После получения в 1752 г. указа о возвращении не желавших креститься иностранцев обратно в казахские кочевья прекратилась и их отправка в Уфимскую провинцию. Чтобы избежать депортации, не меняя при этом вероисповедания, некоторые из них утверждали, что являются представителями народов, состоявших в российском подданстве. Такие случаи давали повод для специального разбирательства. Один такой иностранец был доставлен в Оренбург из Илецкой соли 5 июля 1754 г. В Походной канцелярии губернатора И. И. Неплюева он рассказал, что ему 33 года, зовут его Амамбет Аналиев. В казахский плен попал лет 25 назад. Все это время находился в Младшем жузе, жил у казаха Табынского рода Карабаша, пас лошадей и овец. Со слов казахов ему известно, что до пленения он проживал вблизи Астрахани, в ногайском кочевье. Пленен казахами был возле Царицына. Возможно, А. Аналиев и не привлек бы к себе внимания оренбургских властей, но в рапорте, присланном от капитана Шкапского, имелось указание, что при первом допросе он выразил желание воспринять православную веру. В Оренбурге же А. Аналиев объявил, что желая креститься не изъявлял, а хочет лишь вернуться в Астрахань, где в ногайском кочевье у него остались мать и отец. Канцелярские чиновники усомнились в его ногайском происхождении по тем же основаниям, что и в приведенном выше случае выдававшего себя за калмыка беженца Барата: незнание родословной, ссылка на ненадежный источник информации, лицом не похож ни на ногайца, ни на других подданных России народов. Решили, что больше похож на перса. К тому же отнесли к нему как к плуту, отрекшемуся от ранее объявленного желания креститься. Этим оснований оказалось достаточно, чтобы А. Аналиева, как нероссийского подданного, передать торговавшему на меновом дворе казаху Табынского рода Атантаю для последующего возвращения к его казахскому хозяину [12, л. 69]. Впоследствии для отказных решений по такой категории дел в Оренбургской губернской канцелярии сложилась стандартная формулировка: «за непожеланием их креститься, в силу Ея императорского величества из Государственной коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 года указу, отдать для отдачи по прежнему хозяевам их, вышеписанным киргисцам, случившимся в приезде на здешний меновой двор родственникам их» [12, л. 164].

Среди выходивших из казахского плена иностранцев, исповедовавших ислам, были и такие, кому удавалось найти укрытие у своих единоверцев — татар или ранее принявших российское подданство земляков и соплеменников. За давностью проживания они могли легализоваться и оставаться на поселении в избранном ими месте. Один такой нелегал афганец Паиндамамет в июле 1756 г. дал показания в Губернской канцелярии, что восемь лет назад бежал из казахского плена. Убежище нашел в деревне Имангулово. Теперь по

прошествии времени он просил принять его в подданство Ее императорского величества, разрешить жениться и продолжать жить в той же деревне Имангулово. Прошение Паиндамамета было удовлетворено на том основании, что за все те годы, что он провел в России, с казахской стороны требований о его возвращении не поступало. На то, что этот случай был не единственным, указывала запись: «а подобные ему... в Сеитовой слободе на житье приписанные находятся» [18, л. 172—173].

Альтернативой присоединения к нагайбацким казахам для ставших христианами бывших казахских пленников до середины 1750-х гг. могло стать причисление к казакам Яицкого войска. Поводом для правового регулирования практики приема в Войско таких беженцев-иностранцев послужило дело перса Ибраима Бекжапова, крестившегося в Яицком городке в апреле 1749 г. Яицкому войску было дано разрешение нареченного Иваном «персианина <...> при войске содержать». Опасение оренбургской администрации вызывала близость войсковой территории к казахским кочевьям, поэтому войсковому атаману 26 апреля 1749 г. были поставлены условия: установить за ним надлежащий надзор и поселить между русскими казаками. Решение по делу И. Бежанова стало прецедентным для Яицкого войска. 4 августа из Оренбурга в Яицкий городок был направлен указ с выражением дозволения: «...случаются в выходе на яицкие нижние форпосты персиане, хивинцы, бухарцы и прочие, кои не суть подданные Ея императорского величества... того ради, кои из них вышед креститься войска яицкого пожелают, с такими... поступать по вышеписанному, прежде посланному к ним от 26 апреля указу» [18, л. 83—83 об.].

В 1755 г. Уфимская провинция была охвачена башкирским восстанием. Прекратилось движение по почтовым трактам. Станции и прилегавшие к ним строения для размещения путников были сожжены повстанцами. Под давлением правительственных войск часть восставших башкир и мишарей нашла укрытие в казахских кочевьях. В сложившихся обстоятельствах губернатор И. И. Неплюев счел нецелесообразным дальнейшее направление крещеных иностранцев в Нагайбацкую крепость. Губернатор опасался, что новопоселенцы могут примкнуть к мятежникам, станут вместе с ними участвовать в разбоях и грабежах, совершать побеги в казахскую степь. Поэтому, когда 19 июля 1756 г. стал вопрос об определении на жительство очередных четверых крещеных иностранцев (двух персов, араба и кызылбаша), Оренбургская губернская канцелярия распорядилась отправить их в Ставрополь-на-Волге. Ставропольской канцелярии предписывалось поселить их между русскими и крещеными калмыками вблизи Волги, в удобных для выращивания хлебов местах [13, л. 24—26]. 22 августа Ставропольская канцелярия отчиталась, что поселены они порознь в Курумоченской, Предтеченской и Ягодной слободах, где уже проживали русские крестьяне и крещеные калмыки. Ротным калмыцким старшинам было поручено проявить заботу, чтобы подселенные к ним иностранцы как можно скорее женились и обзавелись домами [13, л. 31—31 об.].

Через неделю, 26 июля, в Губернской канцелярии была пересмотрена ее же резолюция от 5 июня об отправке двух крестившихся в Оренбурге персов в Уфимскую канцелярию, при указе, для определения к нагайбацким казакам. Задержка объяснялась «не случавшимися оказиями». Как и предыдущую партию, их отправили в Ставрополь [13, л. 4]. 7 ноября 1756 г. Ставропольская канцелярия отчиталась о прибытии еще 11 новокрещеных персов и кызылбашей. А через два месяца, 19 января 1757 г., сообщила о поселении их в Воскресенской и Ягодной слободах, также между русскими крестьянами и калмыками [13, л. 70, 136]. В 1757 г. основным контингентом переселенцев в ставропольское ведомство становятся крещеные джунгары.

Во второй половине 50-х — начале 60-х гг. XVIII века, спасаясь от междоусобиц и санкционированных китайскими властями этнических чисток, через сибирское пограни-

чь в Российскую империю ушли десятки тысяч джунгар, или, как их называли в России, зенгорских калмыков. Разорением Джунгарии воспользовались казахи. В Среднем жузе оказалось множество джунгарских беженцев, поработанных казахами. Российское правительство относилось к ним как к иностранцам и разрешало предоставлять убежище только тем из них, кто выражал желание стать православным христианином. Но проблема заключалась еще и в том, что как по внешнему виду, так и по языку джунгара невозможно было отличить от волжского калмыка. Чтобы хоть как-то облегчить работу пограничных властей, 9 октября 1757 г. указом из Коллегии иностранных дел было дано разъяснение: казахи Среднего жуза кочуют около Уйской и сибирских пограничных линий. От Волжского калмыцкого ханства их отделяет большое расстояние, занятое кочевьями Младшего жуза. Волжские калмыки могли попадать в Средний жуз в самых редких случаях, например через перепродажи. Следовательно, «в той средней орде быть не каким, как только зенгорским [калмыкам], яко киргис кайсаки той орды во время их зенгорского междуособия великое множество их разорили, а зенгорцы не суть подданные Ея императорского величества» [15, л. 74—74 об.].

В 1756 г. командовавший войсками на Нижней дистанции Уйской линии подполковник Рененкампф рапортовал в Оренбургскую губернскую канцелярию, что приезжающие на торг в Троицкую крепость казахи ведомства Аблай султана объявили о желании некоторых из завоеванных ими джунгар воспринять православную христианскую веру. Казахские торговцы просили дозволения таких «зенгорских калмыков» продавать русским купцам. От себя подполковник добавил: «...а без того де они тех калмык не отпускают» [14, л. 2].

Чиновники Оренбургской канцелярии столкнулись с дилеммой. По закону купцам, владевшим заводами и фабриками, если они не дослужились до обер-офицерских чинов и на том основании не записаны в дворяне, не было дано право приобретать крестьян в личную собственность. С другой стороны, если строго придерживаться этого правила, то и выкупать пленников будет некому. В результате в Оренбургской губернской канцелярии был разработан указ, устраивавший все заинтересованные стороны: офицеров, купцов, казахов, продававших своих пленников, и само государство, приобретающее новых подданных. Дворянам, штаб- и обер-офицерам разрешалось у казахов джунгар покупать и у купцов на товар выменивать. Непременное условие при заключении сделки состояло в обязательстве: «чтоб их [зенгорских калмык], по надлежащем наставлении, приводили в православную христианскую веру, греческого исповедания единственно, а не в другую». В Троицкую городскую канцелярию о совершенной сделке подавалась записка, на основании которой казна компенсировала понесенные убытки. Те же правила распространялись на купцов и других непривилегированных лиц. Но для участия в выкупной сделке они должны были в Городской канцелярии получить письменное свидетельство с указанием, на чем основано разрешение и сколько людей будет выменено [14, л. 2 об.]. В последующие годы выкуп пленных джунгар у казахов Среднего жуза получил большое распространение. С мая по сентябрь 1757 г. в Троицкой крепости было выменено 249 человек — 124 мужчины и 125 женщин [14, л. 109 об.]. Сенатским указом от 24 сентября 1757 г. было подтверждено разрешение выменивать на ярмарках привозимых казахами пленников-иноверцев при условии их обязательного крещения [15, л. 74 об.].

Организация перевода с сибирских линий и дальнейшее размещение тысяч джунгар и других воспринявших христианство азиатов-кочевников вменялись в обязанность оренбургской администрации. В донесении от 30 января 1757 г. губернатор И. И. Неплюев и генерал-майор А. И. Тевкелев пытались убедить Коллегию иностранных дел, что в Оренбургской губернии для поселения новокрещенных инородцев не осталось под-

ходящих мест. Проживавшие в Уфимской провинции нагайбаки не отличались благонадежностью. Территория ставропольского калмыцкого поселения в Самарском Поволжье была рассчитана на прием волжских крещеных калмыков. Как альтернатива предлагалось выходящих на сибирские линии новокрещеных инородцев, кроме состоявших в российском подданстве калмыков, селить порознь между русскими в сибирских внутренних и от границы отдаленных местах [15, л. 78 об. — 79].

Нежелание губернатора И. И. Неплюева и его преемников оставлять в пределах Оренбургской губернии принимавших крещение выходцев из казахского плена объяснялось давлением, оказываемым Нуралы ханом и другими казахскими правителями. В 1754 г. И. И. Неплюев информировал Коллегию иностранных дел, что «киргис кайсацкой народ почитает себе за великую обиду, что выбегающие из оног пленники, хотя бы оные были и не здешних народов, однако же предъявляющие желание к восприятию свято крещения не возвращаются» [16, л. 221 об.]. 18 сентября 1758 г. в Коллегию поступило письмо от Нуралы хана. Нуралы объяснял, что его подданные захватывают пленных, рискуя собственными жизнями. Беглые невольники «в закон христианский вступают... по нужде, для единого токмо от рабства их спасения». Народ казахский терпит из-за побегов пленников большие убытки и скот их остается без пастухов. Нуралы просил в крещении их пленникам отказывать и возвращать владельцам. Письмо такого же содержания на высочайшее имя было получено и от правителя Среднего жуза Аблай султана, в котором подчеркивалось, что «почти все пленники от них разбежались и в пограничные российские крепости приняты» [16, л. 224 об.]. Ранее, в 1757 г., во время визита в Оренбург, хан пригрозил в случае оставления его требований без удовлетворения откочевкой от российских границ и отказом, под давлением старшин и всего народа, отдать в аманаты своего сына [16, л. 222 об., 225].

Встречавшиеся в Оренбурге с Нуралы ханом генерал-майор А. И. Тевкелев и заведовавший Губернской канцелярией советник П. И. Рычков предлагали правительству поставить прием беглых казахских пленников, не состоявших прежде в российском подданстве, на коммерческую основу. Как и прежде, принимать разрешалось только тех из них, кто выразит желание воспринять христианство. Нововведение должно было заключаться в передаче таких иностранцев на попечение частных лиц с тем условием, чтобы по требованию их бывших хозяев попечители выплачивали выкуп. Сумма выкупного платежа фиксировалась: за взрослого и годного к рекрутской службе мужчину — 25 рублей, за престарелых и малолетних мужского пола — от 10 до 15 рублей, за женщин — по 15 и даже по 20 рублей, ибо, как было замечено, «они женский пол не меньше чем мужской почитают» [16, л. 223]. Бывших казахских пленников, оставшихся невоинственными, предлагалось использовать в Оренбурге на казенных работах, но таких, чтобы они были не самыми тяжелыми. Если среди отобранных для казенной работы окажутся молодые мужчины, годные к регулярной военной службе, то таковых отправлять в остзейские полки (в Прибалтику) или в другие удаленные от Оренбурга места [16, л. 223]. Заботясь об интересах жителей вверенного в их управление края, Тевкелев и Рычков предлагали правительству засчитывать таких новобранцев при случавшихся рекрутских наборах из числа душ, положенного в подушный оклад в Оренбурге и в Оренбургском уезде. С приписанных к заводам крестьян и прочих людей из податных сословий, кому выпадет призыв идти в рекруты, Губернской канцелярии взыскивать деньгами по указанным ценам [16, л. 224].

Представленный на рассмотрение правительства нормативный документ отличался принципиально новыми подходами к предоставлению убежища новокрещеным иностранцам. Во-первых, государство освобождалось от бремени расходов на их содержание.

Во-вторых, выходцы из казахского плена, освобождаясь от одной рабской зависимости, попадали в новую неволю — фактически становились крепостными или принудительно зачислялись в рекруты. Не случайно А. И. Тевкелев и П. И. Рычков продолжали называть их «крещеными невольниками» [16, л. 224].

Через год, 19 октября 1759 г., Правительствующий Сенат, основываясь на Представлении Коллегии иностранных дел, направил оренбургскому губернатору А. Р. Давыдову Указ «о выходящих из киргис кайсацких орд тамошних пленниках». Правительство не придавало должного внимания угрозе Нуралы хана и Аблай султана о возможной откочевке казахов от российских границ в случае невозвращения им пленников. Более того, в Представлении Коллегии иностранных дел не без сарказма отмечалось, что Коллегия «в откочевании их особенной важности не предвидит, потому что через то избавлены быть могут яицкие казаки от излишних трудов и опасностей, бывших во время кочевания киргис кайсак при реке Яик» [16, л. 217].

Резко отрицательно Коллегия отнеслась к предложению А. И. Тевкелева и П. И. Рычкова о введении публичной платы за желающих перейти в христианство выходцев из казахского плена, коллежские чиновники полагали, что если выкупные платежи допустить в отношениях с казахами, то не даст ли это повод другим степным народам домогаться того же? Выкуп у казахов пленников одновременно воспринимался как их покупка. Коллегия иностранных дел сочла необходимым заметить, что «выходящие из плена киргис кайсацкого люди и приемлющие по своей воле христианской закон едва ли и заслуживают, чтоб они по принятии христианского закона, для выручения денег к заплате за них киргис кайсакам потребных, продаваемы были в вечное рабство или в казенную работу употребляемы почти на таком же основании как каторжане» [16, л. 225].

Правительствующий Сенат согласился с мнением Коллегии допустить как временную меру разрешение оренбургскому губернатору и другим крепостным и линейным командирам от своего имени делать подарки вещами только знатным казахам, сумевшим доказать, что их пленники сбежали в Россию. Сумма подарков не должна была превышать двадцати — двадцати пяти рублей [16, л. 226—226 об.].

Согласно сенатскому указу, после восприятия христианства бывшие казахские пленники, не имевшие российского подданства, партиями, под конвоем, отсылались в Москву. В Москве, после доклада в Сенатскую контору, они поступали в распоряжение Московской губернской канцелярии, которой было велено распределять их по партикулярным людям (частным лицам) в услужение. Новые хозяева должны были возместить казне все убытки, связанные с приемом, содержанием и провозом приобретенных ими людей. Годные к военной службе после крещения также направлялись в Москву. Там их определяли в солдаты, а малолетних — в гарнизонные школы [16, л. 218 об.].

К концу 1750-х гг. оренбургская губернская администрация, а с ее подачи и российское правительство стали явно тяготиться предоставлением убежища казахским пленникам и объяснениями по этому поводу с правителями казахских жузов. 19 ноября 1759 г. Коллегия иностранных дел распорядилась письменно уведомить Нуралы хана и Аблай султана, что всеподданнейшие их прошения о пленниках рассмотрены. По-прежнему российской стороной будут приниматься те из них, кто выразит желание стать православным христианином, ибо, как отмечалось в коллежском указе, «противно христианскому закону в том кому-либо отказывать». Одновременно Коллегия уведомляла Нуралы и Аблая, что их бывших пленников будут «отсылать внутрь государства [и] определять в солдаты» [16, л. 220 об.]. Правительственные сановники надеялись, что известие об определении в солдаты беглых пленников быстро разнесется по казахским кочевьям и остудит желание искать убежища в России [16, л. 218].

Существенные перемены в отношении государства к бывшим казахским пленникам произошли с воцарением Екатерины II. 10 июня 1763 г. генерал-прокурор А. И. Глебов представил в Сенат именной указ «Об определении присылаемых в Москву из Оренбурга и Сибири крещеных азиатцев...». Императрица запретила своих новых подданных отдавать в услужение частным лицам: «Сколько за раздачею из них в услужении партикулярным людям находится ныне при Московской губернской канцелярии, оных всех отсылать в Дворцовую канцелярию». Расходы, связанные с содержанием и проездом до Москвы, принимались на казенный счет безвозвратно [20].

По новому закону выходцы из казахского плена должны были распределяться на жительство по дворцовым волостям. Изначально предполагалось, что они сами смогут выбирать подходящую для себя волость [20]. Однако предоставление такого права вызвало аргументированные возражения. Сенатор граф Р. Л. Воронцов указал, что если крещеных зенгорских калмыков и других азиатов поселить в дворцовых волостях в Казанской, Астраханской и Оренбургской губерниях, то из-за близости границ их едва ли удастся удержать от задуманных побегов. Оренбургский губернатор Д. В. Волков и вовсе обратил внимание сенаторов, что выходящие из казахского плена иностранцы не только о дворцовых волостях, но и вообще о местах жительства в России ничего не знают, а потому и желания, в какой волости им жить, высказать не смогут. Следовательно, они должны быть направлены в те волости, которые им будут назначены правительством [17, л. 42 об.]. 24 октября 1763 г. указом Главной дворцовой канцелярии для поселения «выбегающих на сдешние линии из киргискайсацких орд разных наций пленников по приведении их в христианской закон» были определены в Воронежской губернии села Битюцкой дворцовой волости [19, л. 266].

В Москве переселенцы поступали на содержание Дворцовой канцелярии с условием: «дабы оные в пропитании и одежде ни малейшей нужды притерпевать не могли». Государственное содержание им гарантировалось и после поселения в дворцовой волости до овладения русским языком и полной хозяйственной адаптации [20].

Заключение

Таким образом, формирование правовой базы приема в России бежавших из казахского плена иностранцев обуславливалось рядом взаимосвязанных факторов политического, экономического и религиозного характера. С начала 1750-х гг. единственным правовым основанием для признания их российскими подданными становится крещение. Не вполне оправдалось стремление оренбургской администрации использовать новокрещеных иностранцев как источник пополнения казачества в специально отведенных для поселения крещеных инородцев местностях. В таких местах они нередко подпадали под влияние соседнего башкирского населения и мусульманского духовенства, устраивали побег. Во время башкирского восстания 1755 г. присоединялись к повстанцам и уголовным преступникам. С конца 1750-х гг. бывших казахских пленников, объявлявших о желании креститься, стали отправлять в Москву и там годных к военной службе мужчин зачислять в солдаты, а прочих, после оплаты казенных издержек, отдавать в услужение частным лицам. Иначе говоря, сбегавшие от своих казахских хозяев новокрещеные иностранцы попадали в России в новую, крепостную, зависимость. Существенно облегчал условия жизни новых российских подданных указ Екатерины II об их поселении в дворцовых вотчинах, принадлежавших непосредственно императорской фамилии. Следствием последнего решения должна была стать адаптация, а за ней и ассимиляция разрозненных групп азиатских инородцев в русскоязычной среде.

Список источников

1. Аминов Р. Р. К вопросу о происхождении нагайбаков // *Крышенское историческое обозрение*. 2020. № 2. С. 49—58.
2. Атнагулов И. Р. Становление и развитие конфессиональной идентичности нагайбаков в контексте этнокультурных взаимодействий в Южном Приуралье // *Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всерос. науч. конф.* Челябинск, 2015. С. 353—358.
3. Атнагулов И. Р. Уровни этнического самосознания и этнонимическая номенклатура нагайбаков // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология*. 2014. № 15 (186). С. 95—104.
4. Васильев Д. В. Вступление казахов в подданство Российской империи как результат региональной дипломатии // *Научное обозрение. Сер. 2, Гуманитарные науки*. 2015. № 2. С. 123—128.
5. Вовк И. В., Шебалин И. А. «Присяга» и «подданство» в политической практике казахской элиты в 30—40-е гг. XVIII в. // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Педагогические науки. Филологические науки. Исторические науки и археология*. 2016. № 1 (105). С. 193—197.
6. Джунджузов С. В. Правовое регулирование поселения калмыков в Оренбурге в 40-е годы XVIII века // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*. 2020. № 1 (33). С. 80—89. URL: http://www.vestospu.ru/archive/2020/articles/8_33_2020.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2020.33.8.
7. *Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска*. Вып. 4. Оренбург : Тургайская областная типолитография, 1905. 162 с.
8. *Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска*. Вып. 7. Оренбург : Тип. О. Яковлева, 1912. 472 с.
9. Николаев В. Б. Подданство Российской империи: его установление и прекращение (историко-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. 28 с.
10. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 27.
11. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 28.
12. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 33.
13. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 40.
14. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 41.
15. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42.
16. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49.
17. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71.
18. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 72.
19. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78.
20. Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1. Т. XVI. СПб., 1825. № 11834. С. 289.
21. Тепкеев А. Г. Некоторые дополнения к истории о происхождении нагайбаков // *Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всерос. науч. конф.* Челябинск : Челябинский гос. краеведческий музей, 2015. С. 359—364.
22. Трепавлов В. В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2017. 360 с.
23. Усманов А. Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа : Башкнигоиздат, 1982. 355 с.

References

1. Aminov R. R. K voprosu o proiskhozhdenii nagaibakov [To the issue of the origin of nagaybak]. *Kryashenskoe istoricheskoe obozrenie — Kryashen Historical Review*, 2020, no. 2, pp. 49—58. (In Russian)
2. Atnagulov I. R. Stanovlenie i razvitie konfessional'noi identichnosti nagaibakov v kontekste etnokul'turnykh vzaimodeistvii v Yuzhnom Priural'e [Formation and development of the confessional identity of the Nagaibaks in the context of ethnocultural interactions in the Southern Urals]. *Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urале: materialy VI Vseros. nauch. konf.* [Ethnic interactions in the Southern Urals. Proceed. of the VI All-Russia sci. conf.]. Chelyabinsk, 2015, pp. 353—358. (In Russian)
3. Atnagulov I. R. Urovni etnicheskogo samosoznaniya i etnonimicheskaya nomenklatura nagaibakov [Levels of ethnic identity and ethnonymical nomenclature of nagaibaks]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya — Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science*, 2014, no. 15 (186), pp. 95—104. (In Russian)

4. Vasil'ev D. V. Vstuplenie kazakhov v poddanstvo Rossiiskoi imperii kak rezul'tat regional'noi diplomatii [Kazakhs' acceptance of Russian citizenship as result of regional diplomacy]. *Nauchnoe obozrenie. Ser. 2, Gumanitarnye nauki*, 2015, no. 2, pp. 123—128. (In Russian)
5. Vovk I. V., Shebalin I. A. "Prisyaga" i "poddanstvo" v politicheskoi praktike kazakhskoi elity v 30—40-e gg. XVIII v. ["Oath" and "citizenship" in the political practice of the Kazakh elite in the 30—40s of the XVIII century]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Pedagogicheskie nauki. Filologicheskie nauki. Istoricheskie nauki i arkheologiya — Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Pedagogical Sciences. Philological Sciences. Historical Sciences and Archeology*, 2016, no. 1 (105), pp. 193—197. (In Russian)
6. Dzhundzhuzov S. V. Pravovoe regulirovanie poseleniya kalmykov v Orenburge v 40-e gody XVIII veka [Legal regulation of the settlement of the Kalmyks in Orenburg in the 40s of the XVIII century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2020, no. 1 (33), pp. 80—89. Available at http://www.vestospu.ru/archive/2020/articles/8_33_2020.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2020.33.8. (In Russian)
7. *Materialy po istoriko-statisticheskomu opisaniyu Orenburgskogo kazach'ego voiska. Vyp. 4* [Materials on the historical and statistical description of the Orenburg Cossack army. Iss. 4]. Orenburg, Turgaiskaya oblastnaya tipolitografiya Publ., 1905. 162 p. (In Russian)
8. *Materialy po istoriko-statisticheskomu opisaniyu Orenburgskogo kazach'ego voiska. Vyp. 7* [Materials on the historical and statistical description of the Orenburg Cossack army. Iss. 7]. Orenburg, Tip. O. Yakovleva Publ., 1912. 472 p. (In Russian)
9. Nikolaev V. B. *Poddanstvo Rossiiskoi imperii: ego ustanovlenie i prekrashchenie (istoriko-pravovoi analiz): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Citizenship of the Russian Empire: its establishment and termination (historical and legal analysis). Abstr. Cand. Dis.]. Nizhny Novgorod, 2008. 28 p. (In Russian)
10. *Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [United State Archive of the Orenburg Region] (OGA OO). F. 3. Op. 1. D. 27.
11. OGA OO. F. 3. Op. 1. D. 28.
12. OGA OO. F. 3. Op. 1. D. 33.
13. OGA OO. F. 3. Op. 1. D. 40.
14. OGA OO. F. 3. Op. 1. D. 41.
15. OGA OO. F. 3. Op. 1. D. 42.
16. OGA OO. F. 3. Op. 1. D. 49.
17. OGA OO. F. 3. Op. 1. D. 71.
18. OGA OO. F. 3. Op. 1. D. 72.
19. OGA OO. F. 3. Op. 1. D. 78.
20. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Izd. 1. T. XVI* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Ed. 1. Vol. XVI]. St. Petersburg, 1825, no. 11834, p. 289. (In Russian)
21. Tepkeev A. G. Nekotorye dopolneniya k istorii o proiskhozhdenii nagaibakov [Some additions to the history of the origin of the Nagaibaks]. *Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale: materialy VI Vseros. nauch. konf.* [Ethnic interactions in the Southern Urals. Proceed. of the VI All-Russia sci. conf.]. Chelyabinsk, Chelyabinskii gos. kraevedcheskii muzei Publ., 2015. pp. 359—364. (In Russian)
22. Trepavlov V. V. "Belyi tsar'". *Obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV—XVIII vv.* ["White King". The image of the monarch and ideas about citizenship among the peoples of Russia in the XV—XVIII centuries]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2017. 360 p. (In Russian)
23. Usmanov A. N. *Dobrovol'noe prisoedinenie Bashkirii k Russkomu gosudarstvu* [Voluntary accession of Bashkiria to the Russian state]. Ufa, Bashkniigoizdat Publ., 1982. 355 p. (In Russian)

Информация об авторе

С. В. Джунджузов — доктор исторических наук, доцент

Information about the author

S. V. Dzhundzhuzov — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 09.04.2023; принята к публикации 20.08.2023

The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 09.04.2023; accepted for publication 20.08.2023